

и лиц, содержащихся под стражей, в отношении заблокированных помещений и участков внутренней территории объекта, информирования об этих событиях дежурного помощника начальника колонии и войскового наряда контролеров для выполнения соответствующих действий. Система охранной сигнализации состоит из средств обнаружения, средств сбора и обработки информации, средств тревожной сигнализации.

Система видеонаблюдения предназначена для дистанционного наблюдения за подступами к запретным зонам, локальными участками и другими областями пространства внутренней территории объекта с целью оценки текущей обстановки, а также наблюдения за действиями и продвижением осужденных, координации действий администрации объекта, войскового наряда и архивирования видеoinформации.

Система управления электромеханическими замками (СУЭЗ) предназначена для дистанционного разрешения отпирания дверей помещений камерного типа, преграждающих конструкций дверей, ворот, калиток, турникетов путем разблокировки электромеханических замков, при этом СУЭЗ должна исключить несанкционированное открывание дверей помещений камерного типа.

Система аудиоконтроля предназначена для записи и воспроизведения звуковой информации с телефонных каналов связи, выносных микрофонов и низкочастотных трактов радиопередающих устройств, а также с любых других аналоговых каналов связи или датчиков.

В комплексе предусматривается многотерминальный режим работы, когда организуется не одно автоматизированное рабочее место, а несколько: дежурный помощник начальника колонии, начальник войскового наряда контролеров, контролер ШИЗО (ПКТ), терминал выдачи пропусков. Их применение позволяет при организации надзора добиться высокой надежности работы, реализовать сложные алгоритмы взаимодействия оборудования, максимально исключить влияние человеческого фактора и эффективно использовать силы и средства караулов, войсковых нарядов, подразделения охраны, администрации охраняемого объекта.

Экспериментально созданный и внедренный на ИК-14 ИКН способствовал укреплению системы мер, направленных на обеспечение порядка при исполнении наказания в виде лишения свободы путем автоматизации наблюдения и контроля за поведением осужденных в местах их размещения, учебы и работы с целью предупреждения и пресечения их противоправных действий, обеспечения изоляции, а также безопасности осужденных, администрации объекта и военнослужащих. В настоящее время ИКН оборудованы ИК-3, ИК-5, ИК-14, ИК-19. Однако для обеспечения совершенства системы надзора в Республике Беларусь полагаем целесообразным наращивать техническое обеспечение надзора и вводить и использовать данный комплекс также на территориях тюрем и СИЗО.

М.В. Губич

ПРЕЗУМПЦИЯ ПОДЛИННОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА КАК ПРАВОВОЕ ОСНОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Внедрение электронного документооборота является одним из приоритетных направлений развития информационного общества в Республике Беларусь, построение которого рассматривается как общенациональная задача.

Государственная значимость внедрения электронного документооборота в Республике Беларусь детерминирует необходимость совершенствования его правового регулирования, которое в настоящее время основывается на законе Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (закон об ЭД и ЭЦП).

Закон об ЭД и ЭЦП направлен на установление правовых основ применения электронных документов, определение основных требований, предъявляемых к электронным документам, а также правовых условий использования ЭЦП в электронных документах, при соблюдении которых ЭЦП в электронном документе является равнозначной собственноручной подписи в документе на бумажном носителе.

Однако, проведя анализ законодательства Республики Беларусь, регулирующего рассматриваемую сферу, мы пришли к выводу об определенной декларативности основного положения закона об ЭД и ЭЦП – равнозначности ЭЦП в электронном документе и собственноручной подписи в документе на бумажном носителе.

В отечественном законодательстве нет регламентирующего положения о собственноручной подписи. В литературе приводится множество определений понятия подписи, однако наиболее соответствующим сущности документационного обеспечения управления является общепринятое определение, в соответствии с которым подпись – уникальная совокупность символов, написанных от руки, с применением определенных оформительных приемов, служащая для идентификации человека.

Таким образом, основной функцией собственноручной подписи в документе на бумажном носителе является установление лица, подписавшего документ. Соответственно ЭЦП как аналог собственноручной подписи должна выполнять функцию идентификации лица, подписавшего электронный документ – владельца личного ключа ЭЦП.

Вместе с тем, исходя из анализа положений закона об ЭД и ЭЦП, законодатель не нацелен на установление лица, подписавшего электронный документ. Так, для определения подлинности электронного документа в

соответствии со ст. 1 закона об ЭД и ЭЦП необходимо установить лишь факт подписания электронного документа действительной ЭЦП.

Указанное является одним из основных факторов, негативно сказывающимся на обеспечении юридической значимости электронного документа. В случае подписания электронного документа действительной ЭЦП лицом, не имеющим на то полномочий, в соответствии с законом об ЭД и ЭЦП такой электронный документ будет иметь равную юридическую силу по сравнению с документом, подписанным правомочным лицом.

Именно возможность подписания ЭЦП документа неполномочным на то лицом служит основанием для критики ЭЦП в литературе.

А.В. Ткачев указывает, что «ни ЭЦП в целом, ни отдельные ее части не могут рассматриваться как идентификационные признаки (в их традиционном понимании), непосредственно характеризующие владельца ЭЦП как личность. Поскольку не существует непосредственной связи между биологическими или иными свойствами, имманентно присущими личности человека, и ЭЦП, подобно связи, которая, например, существует между человеком и его собственноручной подписью...» [1, с. 78–83].

А.А. Косовец также обращает внимание на возможность несанкционированного доступа к личной подписи, в связи с чем нельзя определить, кто именно подписал документ [2, с. 59]. Имеющуюся возможность несанкционированного использования закрытого ключа ЭЦП не исключает и С.В. Маньшин [3, с. 44].

Таким образом, отсутствие в законе об ЭД и ЭЦП положений, направленных на установление лица, подписавшего ЭЦП электронный документ, негативно влияет на широкое внедрение в Республике Беларусь юридически значимого электронного документооборота.

Следует отметить, что приведенные точки зрения объединяет одно – признание того, что проблема установления владельца сертификата ключа ЭЦП может быть решена не столько техническими, сколько организационными, правовыми способами.

Так, В. Коржов, изучая возможность установления искусственной связи между человеком и ключом шифрования, обращает внимание на наличие двух проблем: «запоминание человеком длинной ключевой информации (нарушение неотъемлемости) и разглашение ключа (нарушение однозначности). В частности, мало кому удастся запомнить длинный ключ шифрования, поэтому его обычно хранят на электронных носителях. Всегда есть риск, что они окажутся украденными либо поврежденными. Попытки решить обе проблемы только технологическим способом обречены на провал, поскольку они по природе своей организационные...» [4].

А.Н. Сукач также обращает внимание, что «ЭЦП по своей сути не в полной мере идентична собственноручной подписи, т. к. ее создание при подписании документа не обусловлено особенностями личности лица, подписывающего документ (например, индивидуальными особенностями его почерка, как в случае с собственноручной подписью)» [5].

П. Федоренский предлагает рассматривать ЭЦП не как подтверждение собственноручной подписи, а как печать, основывая свое утверждение на том, что печать обладает гораздо меньшей доказательственной силой, что в основном связано с возможностью постановки печати неуполномоченным лицом при практической невозможности доказать это [6, с. 34].

Поддерживая точку зрения А.Н. Сукача и П. Федоренского в части того, что отсутствие возможности идентификации лица, подписавшего ЭЦП электронный документ, является принципиальным отличием ЭЦП и собственноручной подписи в традиционном документе, сложно согласиться с предлагаемым статусом ЭЦП – аналога личной печати. Придание ЭЦП статуса аналога личной печати поставит перед законодателем и специалистами в сфере документационного обеспечения управления новую проблему – что использовать в качестве аналога собственноручной подписи в электронном документе, заверенном ЭЦП.

По нашему мнению, исходя из основного назначения ЭЦП, определенного законом об ЭД и ЭЦП, – удостоверение информации, составляющей общую часть электронного документа, – ЭЦП должна выполнять функцию удостоверения всех реквизитов, предусмотренных действующим законодательством для документов, составляющих общую часть электронного документа, т. е. при подписании общей части электронного документа ЭЦП такой документ является действительным – имеет юридическую силу подлинного документа.

Отечественное законодательство не содержит определения подлинного документа. Н.С. Ларьков считает, что подлинный документ – это документ, сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения [7]. Из приведенного определения следует, что критериями подлинности документа являются удостоверенные сведения об авторе, времени и месте создания документа.

Электронный документ, являясь равнозначным документу на бумажном носителе, должен соответствовать критериям подлинности традиционного документа. Вместе с тем электронный документ не в полной мере соответствует указанным выше критериям. Так, в соответствии с законом об ЭД и ЭЦП подлинность электронного документа – свойство электронного документа, определяющее, что электронный документ подписан действительной ЭЦП.

Однако законодателем не приведены критерии действительности ЭЦП. Е.В. Ермоленко предполагает, что действительность ЭЦП означает, что использование ЭЦП не приостановлено, и она не аннулирована уполномоченным на то лицом [8]. Вместе с тем даже при соблюдении указанных критериев юридическую силу электронного документа можно оспорить на основании подписания его неправомочным лицом.

По нашему мнению, проблема обеспечения равнозначности ЭЦП в электронном документе и собственноручной подписи в документе на бу-

мажном носителе может быть решена путем закрепления в законе об ЭД и ЭЦП положения, которое заключается в установлении правового режима, основанного на презумпции того, что заверение электронного документа ЭЦП произведено владельцем личного ключа ЭЦП, если владелец личного ключа подписи не докажет обратное – презумпция подлинности электронного документа.

Основания для закрепления в законе указанной презумпции вытекают из уже имеющихся в законе об ЭД и ЭЦП положений, направленных на обеспечение ответственности владельца личного ключа ЭЦП, за невыполнение обязанностей по сохранности личного ключа. Так, в соответствии со ст. 25 указанного закона владелец личного ключа обязан: хранить в тайне личный ключ; обеспечивать защиту личного ключа от случайного уничтожения или модификации (изменения); не использовать личный ключ, если соответствующий ему открытый ключ отозван или срок действия этого открытого ключа истек; отозвать открытый ключ в случае, если тайна соответствующего ему личного ключа нарушена. В случае невыполнения владельцем личного ключа указанных обязанностей на него возлагается возмещение причиненного вследствие этого вреда.

В поддержку предлагаемого дополнения закона об ЭД и ЭЦП следует привести высказывания А.А. Косовца и С.В. Маньшина. Так, А.А. Косовец предлагает, чтобы каждый из участников системы электронного документооборота объявил о признании своих обязательств по всем документам, заверенным его цифровой подписью, пока в системе не будет официально объявлено о компрометации секретного ключа [2].

С.В. Маньшин указывает, что «для стабилизации электронного обмена документами речь должна идти не о субъективном волеизъявлении, а об объективной презумпции: тот, кто владеет закрытым ключом, используемым для генерации ЭЦП, является автором документа, подписанного ЭЦП, а следовательно, и несет юридические обязанности, если таковые вытекают из электронного документа» [3, с. 44].

1. Ткачев А.В. Правовой статус электронных документов и уголовное судопроизводство: некоторые аспекты взаимодействия // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы : материалы 11 Междунар. науч.-практ. конф., 30–31 мая 2002 г. М., 2003. С. 78–83.

2. Косовец А.А. Правовой режим электронного документа // Вестн. Моск. ун-та. 1997. № 5. С. 48–50.

3. Маньшин С.В. Гражданско-правовое регулирование применения электронно-цифровой подписи в сфере электронного обмена данными : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2001.

4. Коржов В. ЭЦП, РКІ и все, все, все... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scie.Nser.ru/delicacy/i№dex_d_.shtml?id=9394&LID=23 (дата обращения: 10.09.2011).

5. Сукач А.Н. Удостоверение документов при их пересылке по электронной почте [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Федоренский П. Электронный документ // Юрист. 2001. № 4. С. 32–35.

7. Ларьков Н.С. Социальная сущность и функции документа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aleho.Nsarod.ru/docume№t/23.htm> (дата обращения: 12.01.2012).

8. Ермоленко Е.В. Электронная цифровая подпись в Республике Беларусь: новый этап в развитии [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 004.9:343.9

Н.В. Деева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АВТОМАТИЗАЦИИ РАБОЧЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Современные тенденции в области информационных технологий и уровень развития вычислительной техники являются определяющими в области разработки программного обеспечения для производственной сферы. Появляется возможность автоматизировать большее количество областей человеческой деятельности и тем самым оптимизировать рабочую активность специалиста на месте.

Особенно актуально сегодня решение задач автоматизации для специалистов, задействованных в работе с документами. Так, системы документооборота позволяют уменьшить временные и материальные затраты по созданию, редактированию и перемещению документов в пределах организации. Особым направлением в этом отношении является работа следователя, которому приходится создавать документы, описывающие каждый шаг его деятельности, формируя тем самым уголовное дело.

Автоматизация процесса создания, обмена и хранения документов дела, бесспорно, является важной и актуальной. Успех расследования противоправного действия часто зависит от оперативности работы следственной группы, особенно, когда речь идет о преступлениях в области информационных технологий. Таким образом, возрастают требования к системе автоматизации рабочего места следователя, которому уже недостаточно только набора средств для создания и управления документами.

Нами были проанализированы документы, составляющие уголовное дело (их перечень представлен в сборнике образцов уголовно-процессуальных документов [1]), и классифицированы по ходу расследования (запросы, направления, сообщения и др.) и сути расследования (протокол, рапорт, заявление, ответ запроса и др.).